

УДК 81'27

ЛОКАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ЖАРГОННОГО СЛОВА¹

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. elevaer@gmail.com

Марина Александровна Кропачева

к. филол. н., старший преподаватель кафедры иностранных языков
и методики преподавания

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко
427621, Удмуртская республика, Глазов, ул. Первомайская, 25. kropacheva.ma@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы локальной вариативности жаргонного слова (на материале слов студенческого жаргона). Наряду с прочими аспектами локального варьирования жаргона особое внимание обращается на семантические варианты жаргонной лексемы в разных регионах; при этом делается акцент не просто на освоенность жаргонной единицы в том или ином регионе, а на локальную лексико-семантическую вариативность. Авторы приходят к выводу о наличии развитой лексико-семантической вариативности жаргонных единиц, которая проявляется в актуализации в сознании студентов из разных регионов локальных вариантов жаргонной лексемы. Такие семантические варианты могут быть близки друг другу по смыслу, а могут и не обнаруживать общего семантического компонента. Исследуемая вариативность проявляется в том, что некоторые жаргонные лексические варианты свойственны только одному или нескольким регионам; в то же время другие варианты того же слова могут употребляться на всей территории страны, что свидетельствует о единстве жаргона.

Ключевые слова: лексико-семантическая вариативность; лексический вариант; локальная вариативность; социолект; студенческий жаргон.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-27-37

Введение

Еще в начале XX в. С.И. Карцевским был описан один из базовых языковых механизмов – механизм «асимметрического дуализма языкового знака», раскрывающий образование семантических вариантов знака. Примечательно, что в своей программной статье «Об асимметрическом дуализме языкового знака» С.И. Карцевский связывает это явление с таким важным аспектом сущности языка, как соотношение и сочетание в нем индивидуального и социального: «Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное)... С одной стороны, язык должен служить средством общения между всеми членами лингвистической общности, а с другой стороны, он должен

также служить для каждого члена этой общности средством выражения самого себя, и какими бы “социализированными” ни были формы нашей психической жизни, индивидуальное не может быть сведено к социальному... Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский 1965: 85].

Таким образом, полисемия, с одной стороны, обусловлена семиотической природой языка, а с другой – индивидуальным и, что не менее важно, социальным варьированием носителей языка. В связи с этим можно рассматривать вопросы полисемии в аспекте реализации нормы.

Норма является сложным многоаспектным явлением. Во-первых, она имеет социальную природу. «Норма – категория внутриязыковая, она присуща языку как системе и связана с наличием в любом языке потенциальных возможностей разного обозначения одного и того же явления. При этом, безусловно, норма – результат действия социальных факторов, связанных с существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени, т.е. категория социолингвистическая» [Вербицкая 1997: 105]. Во-вторых, это не только и не просто социолингвистический, но и психологический феномен, поскольку норма – это только те языковые реализации, которые, по мнению носителей языка, являются желательными и престижными [Ерофеева 2005]. Таким образом, норма обусловлена одновременно 1) языковой системой, которой пользуется данный коллектив; 2) социальной средой, в которой функционирует данная языковая система; 3) оценкой средств этой языковой системы ее носителями, т.е. психологическим, субъективным фактором [Ерофеева 2011].

Все изменения и вариации языкового выражения, в том числе и вариации лексического значения, пропускаются через фильтр языковой нормы. При этом характер нормы неодинаков в разных формах существования языка. Так, различают разные степени строгости нормы: от наиболее строгой нормы в литературном языке до ее полного отсутствия в просторечии.

Возможность вариативности нормы, присущая всем формам существования языка, позволяет Л.П. Крысину говорить об особом качестве нормы – ее толерантности [Крысин 2008]. Поскольку норма в разных формах существования языка обладает разной степенью строгости и толерантность норм форм существования языка различна, то различны и границы колебаний варьирования их языковых средств: возможность и диапазон варьирования языковых средств в разговорной литературной речи, территориальных и социальных диалектах значительно выше, чем в литературном языке.

Особое внимание следует обратить на проблему нормы и ее толерантности в социальных диалектах. Принято считать, что нормы социальных диалектов, или социолектов, – это нормы особого типа. Такая норма гораздо слабее, чем норма литературного языка, литературной разговорной речи или территориального диалекта; она менее устойчива и слабо выражена (см.: [Гавранек 1967; Ицкович 1968; Крысин 2004, 2007; Ларин 1931, 1977; Успенский 1985 и др.]). При этом

норма социолекта выступает в том числе и как «норма-шиболет» [Касевич 2008]: носители того или иного социального диалекта могут отличить по речи человека, который входит в круг «своих», потому что он говорит каким-то определенным способом, который не противоречит внутреннему пониманию слушающего о правильности речи. Это внутреннее понимание и есть норма данного социального диалекта.

Локальная вариативность социолектов

Частичная нормированность социальных диалектов позволяет говорить об относительной строгости нормы в некоторых пластах лексики внутри социальных диалектов (профессиональная терминология), с одной стороны, и о восприимчивости лексических систем социолектов к воздействиям со стороны иных форм существования языка, с другой стороны. В целом норма в социолектах характеризуется слабостью, а значит, обладает высокой толерантностью, поэтому диапазон вариативности языковых средств в социолектах достаточно велик. Таким образом, можно сказать, что жаргонные (социолектные) слова могут обладать большим количеством значений, так как эталонность того или иного значения в случае с социолектом определяется в зависимости от социальных предпочтений говорящих и нигде не зафиксирована.

Вариативность языковых средств часто возникает под действием определенных социальных факторов, среди которых выделяют следующие: пол/гендер; возраст; место, где прошло детство; место постоянного жительства; образование; профессию; специальность; социальный класс; социальное положение родителей; место рождения родителей; образование и место, где оно получено; социальное положение; место наиболее длительного проживания; регулярность, с которой говорящие слушают радио или смотрят телепередачи, и др. [Ерофеева 2005; Ерофеева 2010; Игнаткина, Литвачук 1989; Крысин 1973; Панов 1960; Русский язык по данным массового обследования 1974; Социально-лингвистические исследования 1976; Fisher 1964; Fishman 1980; Labov 1966, 1970, 1972; Trudgill 1974, 1978 и мн. др.].

Вариативность такой формы существования языка, как студенческий жаргон, рассматривалась ранее в зависимости от фактора «пол», причем исследовался в основном уровень владения жаргонной лексемой как таковой [Ерофеева 2009]. В данной статье рассматривается **локальная вариативность** студенческого жар-

гона, т. е. зависимость жаргона от фактора «место жительства».

О территориальных различиях социальных диалектов писали еще Б.А. Серебренников [1970] и Е.Д. Поливанов [1931], но они не дали развернутых характеристик этих различий. И до сих пор работы, содержащие более или менее подробные характеристики локальной вариативности жаргона, малочисленны (см., например: [Миралаева 1994; Никитина 1998]). В словаре Т.Г. Никитиной «Так говорит молодежь» даются пометы, указывающие на города или местности, в которых употребляется то или иное жаргонное слово. О.Д. Миралаева на примере заимствований из английского языка показывает, что произношение заимствованных жаргонизмов различается у московской молодежи и молодежи Казахстана. Кроме того, сравнив степень знания и частоту употребления английских заимствований обеими группами молодежи, она делает вывод о том, что столичная молодежь лучше знает и чаще употребляет эти заимствования. Полученные данные позволили О.Д. Миралаевой сделать следующее предположение: «Заимствование каждой конкретной лексемы происходит не спонтанно, одновременно в нескольких регионах, а с появлением какого-либо явления, стиля заимствование осваивается языком, а затем распространяется через молодежные средства массовой информации. Причем процесс, по-видимому, идет от центра к периферии» [Миралаева 1994: 88].

Очевидно, что вариативность жаргона зависит от степени интенсивности контактов между носителями жаргона разных регионов. Таким образом, с одной стороны, территория является одним из препятствий распространения единого жаргона. С другой стороны, в жизни современных молодых людей важную роль играет Интернет, который позволяет им общаться на расстоянии. Интернет в данном случае выступает как средство объединения всех локальных вариантов молодежного жаргона и в какой-то мере способствует стиранию различий между ними, хотя интенсивность контактов между людьми в рамках одной территории выше и в интернет-пространстве. Следовательно, действует целый ряд факторов, способствующих как интеграции жаргона в единое целое, т. е. образованию так называемого «общего жаргона» [Мокиенко, Никитина 2000; Хорошева 1998 и др.], так и его дезинтеграции, образованию вариантов, в том числе и локальных.

Проблема локального варьирования жаргонного слова, конечно же, далеко не исчерпывается названными выше аспектами: описанием ло-

кальной привязки жаргонных слов и вопросом их появления и распространения. В ряду прочих аспектов локального варьирования жаргона интересно исследовать и семантическую вариативность жаргонной лексики в разных регионах.

Дизайн исследования

Итак, предметом анализа в данной статье является не просто освоенность жаргонной единицы в том или ином регионе, а ее локальная лексико-семантическая вариативность.

В качестве материала использовались данные лингвистического эксперимента, проведенного со студентами г. Глазова, населенных пунктов Глазовского района, г. Перми и г. Санкт-Петербурга.

Эксперимент проходил в три этапа:

- 1) отбор материала;
- 2) анкетирование;
- 3) социолингвистический эксперимент.

1. На первом этапе был получен словник актуальных для сознания носителей жаргона единиц, которые составляют студенческий жаргон Глазова и Глазовского района. Для получения данного словника был проведен опрос, в котором приняли участие 100 студентов из Глазова и Глазовского района разных специальностей и факультетов Глазовского педагогического института в возрасте 18–20 лет. Испытуемых просили написать как можно больше слов, которые, по их мнению, относятся к студенческому жаргону, и привести примеры использования этих слов в речи.

Таким образом, мы пользовались методом интроспекции и обращались к языковому сознанию информантов. В данном случае мы считаем жаргонными все слова и выражения, приведенные информантами, так как они осмысливаются самими носителями социолекта как жаргонные. Даже в том случае, если информанты употребляют слово, относимое словарями к другой форме существования (просторечию, литературному языку, территориальному диалекту), они так или иначе изменяют его коннотацию. В их лексической системе слово занимает иное место, чем в лексической системе, описанной словарями (см.: [Сторожева 2009]).

В результате опроса было получено 5 134 реакции, при этом разных реакций – 1 293 слова и выражения, которые, по мнению студентов, относятся к студенческому жаргону. Из данного словника выбраны 60 слов, которые были названы не менее чем 8 испытуемыми; одновременно данные слова не являлись наиболее частотными, т. е. общеизвестными. Таким образом, в ото-

бранный материал вошли те лексические единицы, которые предположительно могли показать наличие вариативности, если таковая имеется, но в то же время не принадлежали периферии жаргона и не являлись случайными окказиональными образованиями.

Отобранные для анкетирования и эксперимента лексические единицы были проверены по Национальному корпусу русского языка [Национальный корпус русского языка] с целью определения их принадлежности к формам существования языка, так как в некоторых случаях сделать это без обращения к подобному источнику было сложно. В результате проверки были выбраны только те слова, которые, судя по контекстам, данным в Корпусе, явно относятся к жаргону, а не к другим формам существования языка. При определении жаргонной коннотации слов и выражений мы руководствовались следующими критериями:

1) слово либо вообще не отмечено в Корпусе, либо отмечено в ограниченном числе вхождений;

2) если слово отмечено в Корпусе, то слово не встречается в художественной литературе иначе, как в речи персонажа соответствующего социального класса;

3) слово не встречается в публицистических текстах, т. е. не является переходным явлением, общим для жаргона и разговорной речи.

В результате в материал для анкетирования и эксперимента вошли слова: *бомба, бабосы, батон, бич-пакет, бот, винда, втыкать, газява, грузить, днюха/денюха, дискач, достать, дрова, завалить, задвинуть, задолбать, залететь, инет, клавиша, коменда, контакт, косарь, косяк, лава/лавэ, метр, мыло, накосячить, насинячиться, отработать, отстой, палить, педик, по барабану, прикид, проставляться, профилага, пятахатка/пятахатник, репа, ржачный, рубль/рубль, свечка, старый/старая, сто пудов/сто пудей, стремно, студень, студик, тачила, тёла, тема, тёплый, труба, флеха, хавчик, хата, цеплять, чел, чикса, шмара, штука, Эдик/звать Эдика.*

2. В анкетировании в качестве информантов приняли участие 128 студентов, по 32 человека из каждого локуса (г. Глазова, населенных пунктов Глазовского района, г. Перми, г. Санкт-Петербурга); выборка информантов для чистоты эксперимента была сбалансирована по факторам «гендер» и «специальность» (гуманитарии/негуманитарии).

Участников эксперимента просили дать дефиниции (наивные толкования) жаргонным сло-

вам, при этом подчеркивалось, что это именно слова студенческого жаргона.

В результате анкетирования было получено 5 892 положительные реакции и 1 975 отрицательных реакций. Положительными реакциями считались все дефиниции, предложенные испытуемыми; отрицательными – отказы дать дефиницию предложенному слову. На основе полученных от информантов наивных толкований анализировалась семантика жаргонных единиц в разных локусах; проводились также статистические подсчеты.

3. На третьем этапе исследования в социолингвистическом эксперименте в качестве материала были использованы те же 60 лексических единиц, что и для анкетирования. Испытуемым предлагался список жаргонных слов с указанными лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) (наиболее характерными для студенческого жаргона г. Глазова), в котором они должны были отметить, знают ли они предложенные слова в данном значении и употребляют ли их в речи. Группа студентов для эксперимента также состояла из 128 человек – студентов различных высших учебных заведений; выборка информантов была сбалансирована по тем же факторам, что и при анкетировании. В результате социолингвистического эксперимента было получено 15 360 реакций (9 098 положительных и 6 262 отрицательные). Данные обрабатывались с помощью дисперсионного анализа силы влияний.

Обсуждение результатов

1. Результаты анкетирования

Испытуемые предложили 60 заданным словам 142 разных значения, т. е. к большинству слов информанты привели не одно, а несколько значений².

Из 60 заданных слов 22 оказались однозначными (по крайней мере, в рассматриваемом материале): *бабосы* ‘деньги’, *бич-пакет* ‘вермишель быстрого приготовления’, *газява* ‘газированная вода’, *днюха/денюха* ‘день рождения’, *достать* ‘надоесть’, *задолбать* ‘надоесть’, *инет* ‘интернет’, *клава* ‘клавиатура’, *метр* ‘мегабайт’, *накосячить* ‘совершить ошибку, проступок’, *насинячиться* ‘сильно злоупотребить алкогольными напитками’, *по барабану* ‘безразлично’, *проставляться* ‘угощать спиртными напитками за свой счет’, *профилага* ‘профилактика’, *ржачный* ‘смешной’, *рубль/рубль* ‘1000 рублей’, *сто пудов/сто пудей* ‘абсолютно точно, наверняка’, *тёла* ‘девушка’, *флеха* ‘съёмная карта памяти’, *хавчик* ‘еда’, *чел* ‘человек’, *Эдик/звать Эдика*

‘испытывать тошноту, рвоту’ (в работе в качестве значений слов использованы наивные толкования, предложенные студентами). Таким образом, более трети заданных в анкете слов не обнаруживают семантической вариативности в студенческом жаргоне.

Однозначные слова не отражают локальную вариативность значений жаргонных слов, однако некоторые из них обнаруживают локальную вариативность на уровне частот (см. табл. 1).

Таблица 1

Однозначные жаргонные слова, имеющие разную частоту опознания в разных локусах, абс.

Слово	Значение	Локус			
		Глазов	Глазовский район	Пермь	Санкт-Петербург
Бич-пакет	вермишель быстрого приготовления	30	30	30	20
Газява	газированная вода	26	27	11	0
Проставляться	угощать спиртными напитками	25	21	18	29
Профилага	профилактика	26	27	2	3
Рубль	1000 рублей	20	19	23	5
Звать Эдика	испытывать тошноту / рвоту	9	13	1	4

Из табл. 1 видно, что частоты знания слова представителями разных локусов не совпадают. Наблюдаются случаи, когда слово менее широко известно в Санкт-Петербурге (см. слова *бич-пакет*, *рубль*), или Перми (*проставляться*), или одновременно Санкт-Петербурге и Перми (*газява*, *профилага*, *звать Эдика*)⁴.

Для остальных 38 слов студенты приводят как минимум две разные дефиниции. По два значения было дано словам *винда*, *дискач*, *коменда*, *отстой*, *прикид*, *старый/старая*, *студень*, *тачила*, *залететь*, *труба*, *хата*, *цеплять*, *штука*. К таким словам, как *контакт*, *косяк*, *лава/лавэ*, *мыло*, *отработать*, *палить*, *педик*, *пятихатка/пятихатник*, *репа*, *свечка*, *стремно*, *студик*, *тема*, *тёплый*, *чикса*, студенты привели по три значения. Слова *дрова*, *завалить* и *косарь* получили в ходе эксперимента по 4 значения. Самое большое количество дефиниций получили следующие 7 слов: *батон* (6 значений), *бот* (6 значений), *бомба* (5 значений), *втыкать* (5 значений), *грузить* (5 значений), *задвинуть* (5 значений), *шмара* (5 значений).

Реакции информантов были разделены на 4 частотные зоны:

- 1) высокочастотная зона (ЛСВ, которые назвали 76–100% информантов);
- 2) среднечастотная зона (ЛСВ, которые предложили 51–75% информантов);
- 3) низкочастотная зона (ЛСВ, которые были названы 26–50% информантов);
- 4) зона редких ЛСВ (ЛСВ, которые дали 1–25% информантов).

Более половины однозначных слов вошло в высокочастотную зону, которая содержит незначительно варьируемую часть студенческого жаргона, общую для всех локусов (14 ЛСВ из 25). Малая степень локальной вариативности этих ЛСВ представляется закономерной, так как это ЛСВ, общие для студентов всех исследуемых местностей.

В среднечастотную зону студенческого жаргона в основном входят слова более чем с одним ЛСВ (13 ЛСВ из 17). ЛСВ данной зоны характеризуются разной частотой в разных регионах. ЛСВ, входящие в среднечастотную зону, представляют вариативную часть студенческого жаргона.

В низкочастотной зоне студенческого жаргона также отмечено большое количество слов более чем с одним ЛСВ (20 ЛСВ из 24). Кроме того, в эту зону вошли ЛСВ, которые присутствуют в студенческом жаргоне одной местности и отсутствуют в жаргоне другой. Эти ЛСВ проявляют значительную вариативность частот у разных групп информантов.

Зона редких ЛСВ включает такие ЛСВ, которые, с одной стороны, могут показывать локальную вариативность студенческого жаргона, а с другой – окказиональный характер некоторых ЛСВ.

Локальная вариативность проявляется в том, что в разных регионах одно и то же ЛСВ может входить в разные частотные зоны, например, в одном регионе ЛСВ входит в высокочастотную зону, а в другом – в среднечастотную, низкочастотную или зону редких ЛСВ. В отдельных слу-

**Ерофеева Е. В., Кропачева М. А. ЛОКАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЗНАЧЕНИЯ ЖАРГОННОГО СЛОВА**

чаях ЛСВ может вообще отсутствовать в жаргоне одной из местностей. Так, например, *стрёмно* 'страшно' в жаргоне Санкт-Петербурга располагается в высокочастотной зоне, а в Глазове – в зоне редких ЛСВ, при этом в Глазове, Глазов-

ском районе и Перми для этого плана выражения чаще реализуется ЛСВ 'плохо'.

В табл. 2 приведены распределения частот значений 7 слов с наибольшим количеством значений, данных студентами, в зависимости от локуса.

Таблица 2

Распределение частот значений жаргонных слов в зависимости от локуса³

Значение	Глазов	Глазовский район	Пермь	Санкт-Петербург
Батон				
1) хлебобулочное изделие	7	10	18	3
2) отец	4	–	1	8
3) наезжать/оговаривать	1	1	–	2
4) ягодица	1	–	–	–
5) клавиша	–	1	–	1
6) очень умный человек/«ботаник»	–	–	1	2
Бомба				
1) шпаргалка	9	12	–	8
2) лист с ответом, которым на экзамене заменяют пустой лист	9	8	3	7
3) пластиковая емкость 1,5 или 2,5 литра	2	4	5	1
4) полная женщина	2	–	1	–
5) сенсация	2	1	10	9
Бот				
1) персонаж, за которого играет компьютер	11	4	4	3
2) «ботаник»	10	5	18	7
3) тормоз/дурак	3	1	1	–
4) компьютерная программа, автоматически выполняющая определенные действия	2	5	5	8
5) вспомогательный аккаунт на форуме	–	–	–	1
6) обувь	–	4	–	3
Втыкать				
1) понимать	23	10	17	20
2) бить	–	1	–	–
3) вникать	–	–	2	5
4) смотреть	–	1	7	4
5) спать, засыпать	–	–	–	1
Грузить				
1) озадачивать	19	14	9	4
2) надоедать	6	3	6	23
3) давить морально	4	7	4	5
4) говорить непонятно	1	2	4	5
5) давать трудное задание, задавать вопросы (чаще всего на экзамене)	–	–	11	2
Задвинуть				
1) не выполнить чего-либо, пропустить	14	3	12	9
2) ударить	4	1	1	–
3) сказать речь	2	–	2	6
4) поставить на место	–	4	–	1
5) продать	–	3	–	–
Шмара				
1) некрасивая девушка	14	6	8	16
2) девушка легкого поведения	9	8	7	13
3) дура	2	1	1	4
4) гадина	1	1	2	2
5) девушка	1	1	16	2

Как видно из табл. 2, распределение частот значений различается в разных локусах. Рассмотрим это подробнее на примере слова *бот*: в Глазове предпочитаемыми значениями являются *бот 1* ‘персонаж, за которого играет компьютер’ и *бот 2* ‘ботаник’, в Перми – *бот 2*, в Санкт-Петербурге – *бот 4* ‘компьютерная программа, автоматически выполняющая определенные действия’ и *бот 2*, а в Глазовском районе почти одинаково часто встречаются *бот 1*, *бот 2*, *бот 4* и *бот 6*.

Анализ зависимости распределений частот различных значений в зависимости от места локуса в целом показывает, что локальная вариативность студенческого жаргона проявляется в

том, что у одного и того же плана выражения в разных местностях реализуются разные ЛСВ и с разной частотой.

Для того чтобы оценить меру сходства студенческого жаргона в разных локусах, был рассчитан коэффициент нормальной корреляции Пирсона (r) между распределениями частот всех ЛСВ, полученными в результате опроса. Значения коэффициента корреляции можно трактовать как меру согласия между ответами информантов: чем выше коэффициент корреляции, тем больше похожи ответы сравниваемых групп информантов. Полученные коэффициенты корреляций между частотами ответов информантов в разных локусах представлены в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты нормальной корреляции Пирсона между распределениями частот ЛСВ в зависимости от локуса

Локус	Глазовский район	Пермь	Санкт-Петербург
Глазов	0,96	0,89	0,83
Глазовский район		0,86	0,80
Пермь			0,88

Как видно из таблицы, корреляция между ответами всех групп очень высокая. Это говорит о том, что мы имеем дело с одним явлением – единым студенческим жаргоном. Однако коэффициенты корреляции между частотами ответов групп все же различаются, что свидетельствует о вариативности внутри жаргона, в данном случае – локальной.

Наибольшая корреляция отмечается между частотами ответов молодых людей из Глазова и Глазовского района, следовательно, ответы информантов этих групп наиболее схожи. Самое низкое значение корреляции отмечено между частотами ответов информантов из Глазовского района и Санкт-Петербурга. Ответы информантов из Глазова более похожи на ответы пермских студентов, чем на ответы студентов из Санкт-Петербурга. Мера сходства ответов молодых людей из Перми и Глазова примерно совпадает с мерой сходства ответов пермских студентов и молодых людей из Санкт-Петербурга. Менее всего ответы молодежи из Перми похожи на ответы сельских жителей Глазовского района. Ответы студентов из Санкт-Петербурга ближе всего к ответам информантов из Перми и более всего отличаются от ответов испытуемых из Глазовского района.

Таким образом, мы видим следующую тенденцию: в рамках Глазовского района, включая г. Глазов, студенческий жаргон варьирует мини-

мально. Чем дальше от г. Глазова находится город, тем меньше степень связи между ответами информантов. Ответы информантов из Перми примерно одинаково близки ответам испытуемых из всех рассматриваемых регионов, что, очевидно, можно объяснить, с одной стороны, территориальной близостью Перми к Глазову, а с другой – тесными культурными контактами с Санкт-Петербургом.

2. Результаты дисперсионного анализа силы влияний

Рассмотрение фактора и его влияния на речь не может ограничиться просто утверждением того, что частота той или иной особенности зависит от данного фактора. Разные частоты могут оказаться случайным явлением, вызванным рядом не зависящих от экспериментатора причин. При одинаковых отклонениях в средних частотах факторы могут с разной силой оказывать влияние на речь при разном характере распределений.

Для того чтобы достоверно определить зависимость выявленных частотных особенностей от локуса, была определена сила влияния этого фактора при помощи дисперсионного анализа (ДА) силы влияний. Отдельно рассматривалась значимость влияния фактора «локус» на знание слова и на его употребление. Значения $F_{факт}$ в обоих случаях превысили $F_{критич}$ ($F_{факт} = 21,16$

для параметра «знание» и $F_{факт} = 12,70$ для параметра «употребление», при $F_{критич} = 2,68$ ⁵. Таким образом, подтверждается существенность влияния фактора «локус» на знание и употребление лексических единиц студенческого жаргона.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в рамках студенческого жаргона наблюдается локальная вариативность, которая может проявляться, во-первых, в использовании разных единиц, во-вторых, в наличии разных значений у одного плана выражения и, в-третьих, в разной актуальности значений для индивидов, проживающих на разных территориях.

Второй и третий типы вариативности можно назвать семантической вариативностью жаргона. Наличие у жаргонного слова множества значений предопределено самой природой жаргонного слова, которое не только выполняет функцию обозначения и названия, но и отражает социальную составляющую, показывая тем самым большую возможность социального варьирования жаргонной единицы. Разнообразие лексических вариантов непосредственно связано с особым характером реализации нормы в жаргонах. Говоря о норме в социолектах, следует помнить, что она обусловлена не только языковым кодом, но и социальными и психологическими факторами. Традиционно считается, что норма социальных диалектов имеет особый характер еще и потому, что она, в отличие от нормы литературного языка, менее строга и допускает больше изменений и вариаций языкового выражения под влиянием социальных и психологических факторов.

В разных регионах России одни и те же слова имеют разные значения и актуализируются в сознании носителей в разных вариантах, т. е. студенческий жаргон подвержен локальному варьированию. Вероятностный характер данного варьирования обеспечивает единство жаргона и его гибкость, изменчивость, способность удовлетворять потребности носителей этой социолингвистической системы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00381.

² При анализе материала омонимы и многозначные слова не разделялись. Подобное разведение требует специального детального анализа функционирования слова. В данном случае важно само соотнесение одного плана выражения (ПВ) с разными значениями.

³ Нумерация значений не отражает связей между значениями; значения приводятся в порядке убывания их частоты у студентов из г. Глазова, поскольку именно в этом локусе был изначально получен данный материал.

⁴ Слова в указанном значении по определению лучше известны жителям Глазова и Глазовского района, поскольку изначально брались именно из их жаргона.

⁵ Фактор «локус» представлен в данном исследовании 4 градациями, в эксперименте участвовали 128 информантов, соответственно, число степеней свободы $v_1 = 3$ и $v_2 = 124$. Для данных степеней свободы на 5%-ном уровне значимости теоретическое значение $F_{критич} = 2,68$.

Список литературы

Вербицкая Л. А. Вариантность нормы и типы произнесения // Экспериментально-фонетический анализ речи / под ред. Л. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. Вып. 3. С. 105–115.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок: сб. статей / сост. и ред. Н. А. Кондратов. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е. В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). С. 60–65.

Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.

Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1. С. 21–25.

Игнаткина Л. В., Литвачук Н. Ф. Варьирование фонетических характеристик речи в зависимости от социальных факторов // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф. Л. Скитова; Перм. ун-т. Пермь, 1989. С. 138–144.

Ицкович В. А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. 93 с.

Карцевский С. И. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85–90.

Касевич В. Б. Еще о языковой норме // Язык и речевая деятельность. 2005. СПб., 2008. Т. 8. С. 9–24.

Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 37–49.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. 888 с.

Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. М., 2007. № 2. С. 5–17.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.

Ларин Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского аргю // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113–130.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. М.: Просвещение. 1977. 224 с.

Миралаева О. Д. Современный русский молодежный жаргон (социолингвистическое исследование): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994. 160 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.02.2016).

Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: словарь молодежного сленга. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.

Панов М. В. Вопросник по современному русскому литературному произношению (Инструкция). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 23 с.

Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931. 182 с.

Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.

Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 452–501.

Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1976. 232 с.

Сторожева Е. М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 249 с.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века: языковая

программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985. 215 с.

Хорошева Н. В. Промежуточные формы городской разговорной речи: на материале русского общего жаргона и французского общего аргю: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998. 228 с.

Fisher J. Social influence on the choice of a linguistic variant. New York, 1964.

Fishman P. Conversational insecurity // H. Giles, W. P. Robinson, and P. M. Smith (eds.). Language: Social psychological perspectives. New York: Pergamon Press, 1980. Pp. 127–132.

Labov W. The social stratification of English in New York City. Washington, 1966. 655 p.

Labov W. The study of language in its social context // Studium general. Genève, 1970. № 23. P. 3–17.

Labov W. Sociolinguistic Patterns. Oxford: Blackwell, 1972. 344 p.

Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 211 p.

Trudgill P. Sociolinguistic pattern in British English. London: Edward Arnold, 1978. 186 p.

References

Verbitskaja L. A. Variantnost' normy i tipy proiznesenija [Norm variation and types of pronunciation]. *Ekspериментал'но-фонетический анализ речи* [The experimental-phonetic speech analysis]. Ed. by L. V. Bondarko. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1997. Vol. 3. P. 105–115.

Gavranek B. Zadachi literaturnogo jazyka i ego kul'tura [The tasks of literary language and its culture]. *Prazhskij lingvisticheskiy kruzhok: sb. statej* [Prague Language School: coll. articles]. Comp. and ed. by N. A. Kondrashov. Moscow, Progress Publ., 1967. P. 338–377.

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnaja struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University Publ., 2005. 320 p.

Erofeeva E. V. Norma: sotsiopsikhologicheskij i statisticheskij aspekt [Norm: sociopsychological and statistic aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Vol. 4(16). P. 60–65.

Erofeeva T. I. *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: stratification research]. Perm, Perm. St. Univ. Publ., 2009. 240 p.

Erofeeva T. I. Sotsiolekt kak instrument opisanija jazykovoј situatsii regiona [Sociolect as a tool to describe the linguistic situation in the region]. *Vest-*

- nik Permskogo universiteta [Perm University Herald]. 2010. Vol. 1. P. 21–25.
- Ignatkina L. V., Litvachuk N. F. Var'irovanie foneticheskikh kharakteristik rechi v zavisimosti ot sotsial'nykh faktorov [Variation of phonetic speech characteristics depending on social factors]. *Zhivoe slovo v russkoj rechi Prikam'ja* [The living word in the Russian speech of Prikamje]. Ed. by F. L. Skitova. Perm, Perm. St. Univ. Publ., 1989. P. 138–144.
- Itskovich V. A. *Jazykovaja norma* [The language norm]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 93 p.
- Kartsevskii S. I. Ob asimmetricheskom dualizme lingvisticheskogo znaka [On asymmetric dualism of a linguistic sign]. *Zvegintsev V. A. Istorija jazykoznanija 19–20 vekov v ocherkakh i izvlechenijakh* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and abstracts]. Moscow, 1965. Part 2. P. 85–90.
- Kasevich V. B. Eshche o jazykovej norme [More about language norm]. *Jazyk i rechevaja dejatel'nost'*. 2005 [Language and speech activity. 2005]. St. Petersburg, 2008. V. 8. P. 9–24.
- Krysin L. P. K sotsial'nym razlichijam v ispol'zovanii jazykovykh variantov [On social differences in the use of linguistic variants]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics]. 1973. Iss. 3. P. 37–49.
- Krysin L. P. *Russkoye slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu jazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word, belonging or borrowed: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., 2004. 888 p.
- Krysin L. P. Russkaja literaturnaja norma i sovremennaja rechevaja praktika [Russian literary norm and modern speech practice]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [The Russian language in a scientific light]. Moscow, 2007. Iss.2. P. 5–17.
- Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovarjakh. Oчерki o russkoj leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Znak Publ., 2008. 320 p.
- Larin B. A. Zapadnoevropeyskie elementy russkogo vorovskogo argo [Western European elements of Russian thieves' argot]. *Jazyk i literatura* [Language and literature]. St. Petersburg, 1931. Vol. 7. P. 113–130.
- Larin B. A. *Istorija russkogo jazyka i obshheje jazykoznanie: izbrannye raboty* [History of the Russian language and general linguistics: selected works]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
- Miralaeva O. D. *Sovremennij russkij molodezhnyj zhargon (Sotsiolingvisticheskoe issledovanie)*. Diss. kand. fil. nauk [Modern Russian youth slang (Sociolinguistic research)]. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1994. 160 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [Big dictionary of Russian slang]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 720 p.
- Natsional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 25.02.2016).
- Nikitina T. G. *Tak govorit molodezh: slovar' molodezhnogo slenga* [So speaks the youth: Dictionary of youth slang]. St. Petersburg, Folio Press Publ., 1998. 592 p.
- Panov M. V. *Voprosnik po sovremennomu russkomu literaturnomu proiznosheniju (Instruksija)* [Questionnaire on the modern Russian literary pronunciation (Instructions)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 23 p.
- Polivanov E. D. *Za marksistskoe jazykoznanie* [For Marxist linguistics]. Moscow, 1931. 182 p.
- Russkij jazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izuchenija* [The Russian language according to the mass survey: The experience of sociolinguistic study]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p.
- Serebrennikov B. A. Territorial'naja i sotsial'naja differentsiatsija jazyka [Territorial and social differentiation of language]. *Obshhee jazykoznanie: Formy sushhestvovaniya, funktsii, istorija jazyka* [General Linguistics: The forms of existence, functions, history of language]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1970. P. 452–501.
- Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya* [Sociolinguistic researches]. Ed. by L. P. Krysin, D. N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1976. 232 p.
- Storozheva E. M. *Sotsial'naja obuslovlennost' idiomnogo komponenta leksicheskoi konnotatsii*. Diss. kand. fil. nauk [Socially induced idiom component of lexical connotations. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2009. 249 p.
- Uspenskij B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo jazyka 18-nachala 19veka: jazykovaya programma Karamzina i jeje istoricheskie korni* [From the history of the Russian literary language of the 18th and early 19th century: the language program by Karamzin and its historical roots]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1985. 215 p.
- Khorosheva N. V. *Promezhtuochnye formy gorodskoj razgovornoj rechi: Na materiale russkogo obshhego zhargona i frantsuzskogo obshhego argo*. Diss. kand. fil. nauk [Intermediate form of urban colloquial speech: based on Russian general jargon and French general slang research. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1998. 228 p.

Fisher J. *Social influence on the choice of a linguistic variant*. New York, 1964.

Fishman P. Conversational insecurity. H. Giles, W. P. Robinson, and P. M. Smith (Eds.). *Language: Social psychological perspectives*. New York: Pergamon Press, 1980. P. 127–132.

Labov W. *The social stratification of English in New York City*. Washington, 1966. 655 p.

Labov W. The study of language in its social context. *Studium general. Genève*, 1970. Iss. 23. P. 3–17.

Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Oxford, Blackwell, 1972. 344 p.

Trudgill P. *The social differentiation of English in Norwich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 211 p.

Trudgill P. *Sociolinguistic pattern in British English*. London, Edward Arnold, 1978. 186 p.

LOCAL VARIABILITY OF SLANG WORDS

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

Marina A. Kropacheva

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Teaching Methods
Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

The article considers the problem of local variability of slang words basing on research into student slang. Along with other aspects of slang local variation, special attention is given to semantic variants of slang words in different regions with an emphasis not only on the development of slang units in a particular region but also on their local lexical-semantic variation. The authors arrive at a conclusion that there is a developed lexical-semantic variation of slang words, which manifests itself in the actualization of local variants of slang words in the minds of students from different regions. Such semantic variants can either be close to each other in their meaning or have no common semantic component. The variability under research is manifested in the fact that some lexical variants of slang words are peculiar to one or several regions, while other variants of the same word may be used throughout the country, reflecting the unity of the slang.

Key words: lexical-semantic variability; lexical variant; local variability; sociolect; student slang.